

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

**ТЮРКСКИЕ
И
МОНГОЛЬСКИЕ
ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ**

**Текстологические
и культуроведческие
аспекты
исследования**

Москва
"НАУКА"
Издательская фирма "Восточная литература"
1992

М. С. ФОМКИН

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ СУДЬБЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ СУЛТАНА ВЕЛЕДА

Один из первых тюркоязычных поэтов Малой Азии шейх Мехмед Бахаеддин Султан Велед¹ (1226—1312), живший в городе Конья, оставил после себя литературное наследие на трех языках: персидском, греческом и анатолийско-тюркском. Благодаря последнему он считается "патриархом турецкой литературы" [12, с. 262; 25, с. 572].

Первый европейский исследователь литературного творчества Султана Веледа, австрийский востоковед Й. фон Хаммер-Пургшталь (1774—1856), высказал в свое время мнение о том, что произведения этого поэта не имели спроса и соответственно популярности. Хаммер писал: "Месневи Султана Веледа из-за своей поэтической ничтожности справедливо осталось в странах Востока столь же неизвестным, насколько известным стало месневи Джеляледдина Руми" [22, с. 2]. Главным основанием для этого утверждения было малое количество списков произведений Султана Веледа, известных в то время Хаммеру, их редкость в хранилищах Европы, что и породило окончательный приговор австрийского ориенталиста: "Редкость рукописей Султана Веледа нужно объяснять недостатком спроса на них" [22, с. 2]. Оба эти вывода — о том, что сочинения Султана Веледа не популярны и что они не представляют эстетической, художественной ценности, — Й. Хаммер относил как к персо-, так и к тюркоязычному творчеству конийского поэта.

Со времен Хаммера вопрос о том, существовал ли спрос (можно сказать — социальный заказ) на рукописи Султана Веледа, т.е. вопрос о степени популярности его персо- и тюркоязычной поэзии в средневековой Турции, не являлся более предметом рассмотрения у востоковедов. Таким образом, точка зрения Й. Хаммера по этому поводу стала традиционной и — по сути — общепринятой.

Что же касается вопроса об эстетической ценности литературного творчества Султана Веледа, в частности его тюркских стихов, то большая часть исследователей присоединилась к отрицательной оценке Хаммера: из западных ученых — М. Викерхаузер, который подчеркивал, что эти "стихи имеют филологическую, но не поэтическую ценность" [33, с. 575], из отечественных — А.Е. Крымский, считавший,

---

¹ Здесь при передаче турецких вариантов общемусульманских имен собственных используется практика современных туркологических изданий, которая соответствует турецкому написанию и произношению этих имен. Прочие общемусульманские имена передаются на основе традиционной востоковедной транскрипции.

что у Султана Веледа "хватило уменя лишь на немного больше, чем полторы сотни двустиший" [12, с. 260], из турецких — Ахмед Кабаклы, назвавший этого поэта "ограниченным дидактиком" [23, с. 120], и М.Мансуроглу, который утверждал, что тюркские стихи Султана Веледа "не имеют художественной ценности" [26, с. 1].

Несколько выделяется в этом отношении более объективная и четкая характеристика Э.Гибба, который научно-корректно писал, что "в этих тюркских стихах нет претензий на литературное изящество любого рода. Они написаны в достаточно правильном размере в тюркской манере, строки рифмуются с достаточной полнотой, и это — все" [21, т. 1, с. 153]. Также более конструктивным по сравнению с другими представляется мнение В.Бьёркмана: "Хотя тюркские стихи Султана Веледа не высокопоэтичны, они совершенны. (...) Его искусство создало школу" [19, с. 407].

Таким образом, и в этом вопросе в целом до сих пор сохраняется старая оценка Й.Хаммера.

Неизвестность, недостаток спроса, отсутствие популярности должны свидетельствовать о чрезвычайно низкой интенсивности функционирования произведений в литературно-общественной среде, т.е. о том, что данный литературный труд не играл сколько-нибудь заметной роли в литературном процессе. Такая оценка литературного творчества Султана Веледа вытекает из приведенных выше соответствующих утверждений наряду с определением этого творчества как "поэтически ничтожного", однако более внимательное изучение вопросов, связанных как с персо-, так и с тюркоязычным наследием поэта из Коньи, убеждает, что подобные представления нуждаются в пересмотре.

Данная статья является попыткой реконструкции в общих чертах литературной судьбы сочинений Султана Веледа, особенностей их функционирования в читательской среде средневековой Турции. Это включает в себя выяснение степени популярности, распространенности поэзии Султана Веледа на мусульманском Востоке и определение отношения средневековых читателей к его творчеству. Поставленная задача потребовала также коснуться некоторых методических и методологических вопросов.

Отношение читателей к литературному произведению на средневековом мусульманском Востоке проявляется в ряде признаков, совокупность которых может служить достаточно объективным критерием для определения степени популярности произведения, т.е. интенсивности его функционирования во времени в той литературно-общественной среде, которой оно адресовано. Важнейшим из таких признаков является действительно распространенность списков произведения. "Распространенность произведения и степень его взаимодействия с читателями — явления взаимосвязанные: количество списков находится в прямой зависимости от того, как были оценены читателем значимость и достоинства данного сочинения" [16, с. 72–73]. Однако при интерпретации этого признака важно, как представляется, иметь в виду следующее:

1) Нужно различать два случая: первый — когда в широких временных границах фиксируется безусловно значительное количество (десятки и более) списков, что делает соответствующие оценки бесспорными; и второй — когда имеются единичные списки, что требует привлечения дополнительной информации и осторожности в выводах. Так, поэма "Кутадгу билиг" ("Благодатное знание") Юсуфа Баласагуни (XI в.) дошла до нас всего в трех списках. Тем не менее это — шедевр тюркоязычной поэзии, в котором "нашли свое яркое и высокохудожественное выражение общечеловеческие идеи, идеалы и мысли, волновавшие все народы во все времена" [10, с. 496, 510, 517]. И хотя число зафиксированных списков малоб, есть все основания предполагать, что в свое время поэма была широко известна: об этом свидетельствует наличие трех ее списков в разных концах мусульманского мира (Герат, Каир, Наманган) и продолжение литературной традиции "Благодатного знания" у последующих тюркоязычных авторов [2, с. 115; 5, с. 12].

2) Необходимо учитывать, что выражающаяся в большом числе списков популярность, распространенность, с одной стороны, и истинная ценность, значение литературного сочинения в истории культуры — с другой, — суть разные вещи. Известны произведения, непреходящая ценность которых доказана временем, но списки их исчисляются единицами: это и уже упоминавшееся "Благодатное знание", и дошедший до нас в единственной рукописи "Диван лугат ат-турк" ("Словарь тюркских языков"²) Махмуда Кашгари (XI в.), и замечательный памятник древнерусской литературы — "Слово о полку Игореве", также известное только в одном, к тому же исчезнувшем списке.

Таким образом, редкость рукописей средневекового литературного произведения не может быть доказательством, во-первых, его неизвестности и непопулярности и, во-вторых, его малой художественной (или научной) ценности, его "поэтической ничтожности". Поэтому выводы, которые сделал И.Хаммер, располагая чуть ли не единственным списком сочинений Султана Веледа и кладя этот факт в основу своих рассуждений, неверны прежде всего методически. Более того, они неверны и фактически, что с очевидностью показывает анализ всего круга письменных источников, имеющих отношение к жизни и творчеству Султана Веледа. Именно материал этих источников и его соответствующая интерпретация дают основания для коррекции прежних представлений и позволяют лучше уяснить роль Султана Веледа и его тюркоязычного творчества в истории развития турецкой литературы.

Указанный круг источников распадается на две группы:

- 1) дошедшие до нас рукописи произведений Султана Веледа,
- 2) историко-литературные сочинения восточных авторов.

---

² Такой традиционный перевод названия более других соответствует сути произведения Махмуда, однако филологически точнее перевод, предложенный А.Б.Халидовым: "Свод тюркских слов" [18, с. 18].

Первое, что обращает на себя внимание при анализе источников первой группы, — их недостаточная многочисленность. Нам удалось зафиксировать 105 списков произведений Султана Веледа. Из этого числа 82 списка — отдельные рукописи, 23 списка — сборники произведений разных авторов. Количество списков отдельных произведений Султана Веледа предстает в следующих цифрах: "Диван" — 21, "Ибтида-наме" — 26, "Рюаб-наме" — 30, "Интиха-наме" — 14, "Маариф" — 23, "Ышк-наме" — 9.

Тюркские стихи Султана Веледа достоверно³ содержатся в 48 рукописях, однако с учетом имеющихся полных списков его дивана и месневи, а также отдельных частей последнего допустимо предположить, что это число может быть увеличено почти вдвое. Число списков с достоверно учтенными тюркскими фрагментами по отдельным произведениям выглядит следующим образом: "Диван" — 9, "Ибтида-наме" — 18, "Рюаб-наме" — 24.

Для суждения о том, много это или мало, обратимся к таким же характеристикам творчества других средневековых поэтов мусульманского региона. Возьмем персидских поэтов XI—XIV вв., известность и популярность которых стоят вне всяких сомнений, а мастерство и значение признаны как их современниками, так и потомками. Ценные данные о степени распространенности рукописей произведений названных поэтов дает труд иранского филолога-палеографа А.Мунзави "Список персидских рукописей", представляющий собой краткий свод сведений о каталогизированных персидских рукописях. Необходимо, однако, иметь в виду, что сводки рукописей у А.Мунзави не всегда отличаются полнотой: так, например, в противоположность нашим сведениям для "Ибтида-наме" Султана Веледа он дает лишь три рукописи [27, т. 2, ч. 1, № 9335—9337], для "Интиха-наме" этого поэта — одну рукопись [27, т. 2, ч. 1, № 9652], соответственно для "Маариф" — семь списков [27, т. 2, ч. 1, № 13326—13332]. Составление полной сводки и определение общего числа сохранившихся списков произведений привлекаемых авторов представляет собой очень трудную задачу, которая выходит за рамки данной статьи. Поэтому мы ограничимся сведенными в таблицу выборочными характеристиками, которые тем не менее дают достаточно информации для сопоставления с нашими данными.

---

³ Т.е. с фиксацией в соответствующих научных изданиях. Заметим, что значительное число рукописей произведений конийского поэта остаются не обследованными в этом отношении.

№ п/п	Имя и годы жизни поэта	Количество сохранившихся списков		
		Куллийат	Месневи. Художественная проза	Диван
1.	Абулькасим Фирдоуси (ок. 934—ок. 1020)	—	525 ¹ ("Шах- наме")	—
2.	Джамаладдин Абдарраззак (ум. в 1192 г.)	—	—	26 ²
3.	Захираддин Фарйаби (ок. 1156—ок. 1202)	—	—	78 ³
4.	Аттар Нишапури (ок. 1142—1229)	36 ⁴	—	—
5.	Камаладдин Исмаил (ок. 1173—1237)	—	—	115 ⁵
6.	Джеляледдин Руми (ок. 1207—1273)	—	373 ⁶ ("Месне- ви-и маневи")	74 ⁷
7.	Фахраддин Ираки (1213—1289)	1 ⁸	—	1 ⁹
8.	Саади Ширази (ок. 1213—1292)	144 ¹⁰	138 ("Бустан") ¹¹ 323 ("Гули- стан") ¹²	105 ¹³
9.	Аухади Марагеи (ок. 1271—1338)	31 ⁴	—	19 ¹⁵
10.	Амир Хосров Дехлеви (1253—1324)	5 ¹⁶	—	—
11.	Хафиз (ок. 1320—ок. 1389)	—	—	387 ¹⁷

¹ См. [27, т. 4, с. 2935—2956].

² См. [7, с. 25, примеч. 5].

³ См. [27, т. 3, с. 2421—2425].

⁴ См. [27, т. 3, с. 1883—1886].

⁵ См. [27, т. 3, с. 2494—2501].

⁶ См. [27, т. 4, с. 3144—3164].

⁷ См. [27, т. 3, с. 2551—2555].

⁸ См. [27, т. 3, с. 1847].

⁹ См. [27, т. 3, с. 2242].

¹⁰ См. [27, т. 3, с. 1861—1870].

¹¹ См. [27, т. 4, с. 2663—2668].

¹² См. [27, т. 5, с. 3602—3616].

¹³ См. [27, т. 3, с. 2349—2354].

¹⁴ См. [27, т. 3, с. 1847].

¹⁵ См. [27, т. 3, с. 2242].

¹⁶ См. [27, т. 3, с. 1856].

¹⁷ См. [27, т. 3, с. 2276—2291], при этом к числу указанных у

Мунзави списков (333) следует прибавить 54 не учтенных им списка из собрания ЛО ИВ АН СССР [1, по указателю].

Цифровые данные таблицы дают, во-первых, некий относительный критерий, выражающийся в предельных значениях, которые характерны для числа списков произведений Фирдоуси, Руми, Саади, Хафиза — художников слова недостижимой высоты и поистине мирового значения. Показатели же, характерные для менее выдающихся поэтов, как, например, Джамаладдина Абдарразака или Аухади Марагеи, близки к таковым же Султана Веледа. При этом надо заметить, что творчество Джамаладдина Абдарразака получило очень высокую оценку у его младших современников, авторов литературоведческих трудов Мухаммада Ауфи и Шамс-и Кайса [7, с. 24], а относительно Аухади существует мнение, что в жанре газели он не уступает Хафизу [15, с. 245].

Во-вторых, из таблицы видно, что для некоторых — даже значительных — поэтов число списков их произведений (общее или по отдельным жанрам) составляет всего лишь десятки или даже единицы. Таким образом, число списков произведений Султана Веледа достаточно велико, чтобы характеризовать его сочинения как известные и распространенные в определенной культурной среде.

Важный фактор для выяснения последующей жизни книги во времени и смене читательских поколений — широта географического и хронологического диапазона происхождения и распространения списков, которая отражает динамику взаимодействия произведения с читателями, свидетельствует о степени общественного интереса к нему [16, с. 72]. Исследуя корпус рукописей произведений Султана Веледа, можно видеть, как в данном случае широк этот диапазон — рукописи переписываются и встречаются в самых разных точках мусульманского мира: в Турции — в городах Бурса, Конья, Стамбул; в Сирии — в городе Алеппо; в Египте — в городе Каир; в Индии — в городе Калькутта; в иранских городах Тебриз и Тегеран; в Саудовской Аравии — в городе Медина. Особенно следует подчеркнуть, что эти рукописи не являются сборниками — они содержат произведения только одного Султана Веледа, т.е. именно его имя представляло интерес для владельцев или заказчиков указанных рукописей. Здесь же попутно отметим, что рукописи произведений Султана Веледа встречаются — вопреки устаревшему теперь утверждению И.Хаммера — и в хранилищах многих европейских городов, как-то: Берлина, Будапешта, Вены, Готы, Ленинграда, Лондона, Мюнхена, Оксфорда, Парижа.

Хронологические рамки указанных списков охватывают 1294—1894 гг., при этом — что особенно важно — каждое столетие представлено по меньшей мере несколькими рукописями, что по отдельным векам выражается в следующих цифрах⁴: XIII в. — 5 рукописей, XIV в. — 35, XV в. — 9, XVI в. — 16, XVII в. — 14, XVIII в. — 5, XIX в. — 10

---

⁴ При приблизительной (в пределах двух веков) датировке рукописи основанием для отнесения ее к соответствующему веку выбрана нижняя временная граница.

(при 11 недатированных списках). Это позволяет говорить о достаточно активной литературной жизни сочинений Султана Веледа во времени и свидетельствует о том, что на протяжении веков сохранялся устойчивый общественный интерес к произведениям этого поэта, в том числе тюркоязычным (подробнее см. ниже), что имеет принципиальное значение для объективной оценки его творчества.

Надежные, хотя и косвенные, данные о том, как были оценены читателем значимость и достоинства литературного труда, можно получить, анализируя рукописи-сборники. Поэтические сборники — антологии — составлялись на мусульманском Востоке преимущественно в строгом соответствии с установившимися традициями создания рукописной книги⁵. Как правило, книга создавалась по заказу, с начала до конца в одной мастерской и выходила из нее законченным, цельным произведением книжного искусства, которое прекрасно отражало мировосприятие ее создателей и реализовало их потребность в прекрасном. Отношение к рукописной книге и ее созданию во многом определялось тем, что слово написанное, согласно мусульманским представлениям, является третьей ипостасью Бога и требует уважения и преклонения [6, с. 25; 11, с. 193; 17, с. 252–253]. В таких условиях особое значение в сборнике приобретало соответствие, совместимость авторов по их иерархическому положению в глазах читателей. Имена авторов и произведения должны были гармонизировать друг с другом, а значит, относиться примерно к одному кругу по своей значимости и популярности в оценке составителя сборника.

Рассматривая с этой точки зрения авторское окружение, в котором представлены стихи Султана Веледа в сборниках, убеждаешься в том, что поэтическое творчество этого поэта имело положительную оценку читателей, поскольку его произведения признавались достойными стоять рядом с таковыми самых выдающихся и известных персоязычных поэтов. Примером этому может служить рукопись-сборник, хранящаяся в Стамбуле, в библиотеке Сулейманийе Умуни под шифром "Халет, Иляве, 238" [31, с. 243]. Рукопись переписана в первой четверти VIII/XIV в., т.е. вскоре после смерти Султана Веледа (712/1312 г.), и косвенно отражает, таким образом, оценку его творчества современниками поэта. Приведем в том порядке, как они даны в рукописи, имена авторов, вошедших в этот сборник, с краткой характеристикой каждого из них:

- 1) Санаи (XI–XII в.), "значительный" и "прославленный" поэт, поэтическому мастерству которого поэты давали восторженную характеристику [3, с. 402, 415].
- 2) Фаридаддин Аттар (XII–XIII в.), "великий поэт и мыслитель у суфиев, несравненно более искусный рассказчик, чем Санаи" [15, с. 230].

---

⁵ Основы этих традиций восходят к средневековой арабской рукописной книге. О типах арабских поэтических антологий см. [17, с. 227–228].

- 3) Аухададдин Кирмани (XIII в.), один из известных представителей того направления в суфизме, которое представлено именами Джеляледдина Руми и Фахраддина Ираки [29, с. 90; 30, с. 60];
- 4) Джеляледдин Руми (XIII в.), "великий поэт средневековья, творчество которого пользовалось большой популярностью" [8, с. 5];
- 5) Султан Велед (XIII–XIV в.), его характеристика опускается, поскольку она, выражаясь математически, — искомая величина;
- 6) Саади Ширази (XIII в.), принадлежит "к самым оригинальным и привлекательным фигурам иранской культуры", его могила в Ширазе стала местом паломничества [15, с. 240];
- 7) Фахраддин Ираки (XIII в.), автор "роскошной" "Ушакнаме" ("Книга любящих") [15, с. 246].
- 8) Хумамаддин Тебризи (XIII–XIV в.), "искусно подражал Саади в жанре газели" [15, с. 244];
- 9) Абу Ханифа бен Абу Бакр (VIII в.), первый из четырех ортодоксальных имамов, основатель популярной школы законоведения, оказал влияние на раннюю арабскую поэзию [15, с. 138; 17, с. 238];
- 10) Камаладдин Исмаил (XII–XIII в.), выдающийся мастер классической персидской касыды, могила которого почитается как святыня [7, с. 6, 31];
- 11) Аухададдин Анвари (XII в.), "в нем соединились ученый и поэт, причем и тот и другой отличались необыкновенным блеском". Джами говорит о его касыде как "почти о чуде" [15, с. 195–196];
- 12) Махсати Дабире (XI в.), "прекрасная и остроумная поэтесса из Гянджи", известная свободным образом жизни, мастер популярных четверостиший [15, с. 196–197].

Появление в этом ряду Султана Веледа не может быть случайным: оно отражает известность и признание его поэзии у читателей.

Такую же картину можно наблюдать, рассматривая и другие рукописи, например: 1) Бодлеянской [32, т. 1, с. 750, № 1237] и 2) Готской [28, с. 10, № 5, П. 2] библиотек. Приведем соответствующие указанным рукописям перечни имен авторов, вошедших в сборники, на этот раз — без характеристик, поскольку для специалистов большинство их имен говорит само за себя: 1) Махмуд Шабестари, Амир Хосров Дехлеви, Алишер Навои, Айналькудат Хамадани, Султан Велед, Ниматаллах Вели, Джеляледдин Руми, Джами, Салман Саваджи, Хафиз; 2) Аттар, Султан Велед, Саади, Баязид Бистами, Махмуд Шабестари, Аухададдин Кирмани, Санаи, Ревшани, Джами, Хафиз, Абдаллах Ансари.

К числу подобных примеров, говорящих об определенной популярности Султана Веледа, следует отнести еще один важный факт. В Анатолии очень рано стали делать своеобразные сборники из диванов Мевляны Руми и его сына — Султана Веледа, в которых либо друг за другом, либо попеременно предлагались стихи отца и сына. При этом, как показывает переписанная в VIII/XIV в. рукопись библиотеки Асари Атика Мю-

зеси в городе Конья [31, с. 154–155, № 2156], в такие сборники включались — что для нас особенно важно — и тюркские стихи Султана Веледа. Следовательно, наш вывод о достаточной известности и распространенности персоязычной поэзии Султана Веледа применим и к его тюркским стихам. Дополнительное подтверждение этому дает анализ вновь обнаруженного ленинградского списка стихов этого поэта.

В собрании рукописей ЛО ИВ АН СССР нам удалось зафиксировать еще один — новый — список тюркских стихов Султана Веледа⁶. Их содержит рукопись В 1810 [1, с. 382, № 2934], в которой на листах 211а и 330б записаны пять тюркских газелей этого поэта. В указанной рукописи персидские и тюркские стихи Султана Веледа стоят в ряду произведений таких известных и популярных в определенной культурной среде поэтов, как (сохранен порядок рукописи): Джами, Руми, Аттар, Насими, Фузули, Насир Хосров, Ансари. Это говорит о том, что для читателя — владельца рукописи все эти стихи относились примерно к одному кругу по своей значимости и популярности.

Однако наиболее важно то, что в названном списке тюркоязычные стихи Султана Веледа стоят в окружении персоязычных текстов других авторов, стоят, так сказать, сами по себе. Значит, они записывались не бездумно, не по инерции, не вместе с персидскими стихами Султана Веледа, а отдельно, будучи специально выделены из его поэтического наследия. Логично заключить, что они были достаточно распространены, их знали и они (именно тюркские стихи Султана Веледа) нравились читателю, потому что в такой "неофициальный", "неподносной", "семейный" сборник, каким является ленинградская рукопись, вносились, надо полагать, только те стихи, которые отвечали вкусам и эстетическим представлениям владельца этого сборника.

Время переписки этой рукописи — 1006/1597 г. — еще раз подтверждает **а к т и в н о с т ь ф у н к ц и о н и р о в а н и я** не только персо-, но и тюркоязычных произведений Султана Веледа во времени и в смене читательских поколений.

Исследование источников второй группы, т.е. сочинений средневековых восточных авторов, подкрепляет выдвинутые выше положения. Можно назвать 7 основных сочинений, дающих материал для изучения жизни и творчества Султана Веледа, но, к сожалению, все они, давая массу биографических сведений, не содержат прямых характеристик и оценок литературного наследия Султана Веледа, поэтому для выяснения особенностей функционирования его произведений в читательской среде приходится пользоваться опять-таки косвенными данными.

Прежде всего необходимо отметить тот факт, что на протяжении нескольких столетий авторы тезкере и других

---

⁶ Это удалось благодаря любезной консультации заведующего сектором Среднего Востока ЛО ИВ АН СССР О.Ф.Акимушкина.

сочинений — Феридун Сипахсалар, Ахмед Афляки, Абдурахман Джами, Давлатшах Самарканди, Дара Шикух, Хаджи Халифа, Мустафа Сақыб-деде — включали в свои труды имя Султана Веледа. Это говорит о его известности на мусульманском Востоке.

Сочинение Абдурахмана Джами "Нафахат аль-унс" ("Дуновения дружбы") ясно показывает, что Султан Велед даже за пределами Турции через 160 лет после своей смерти оставался особо почитаемым деятелем суфизма. Это видно даже из простого сопоставления: большинству лиц, включенных в "Нафахат аль-унс", Джами уделяет буквально несколько или немногим более десятка строк и лишь для некоторых, особо, с его точки зрения, выдающихся, делает исключение и посвящает им по несколько страниц своего сочинения. В число таких особо отмеченных Джами лиц попал и Султан Велед [23, № 494].

Сочинение Давлатшаха "Тазкират аш-шуара" ("Антология поэтов") дает основания утверждать, что с течением времени не изменилась и не подверглась сомнению традиционно высокая оценка роли Султана Веледа в распространении суфийского учения. Давлатшах особо отмечает, что расцвет ордена мевлеви — это заслуга Султана Веледа [20, с. 200]. Расцвет ордена следует связывать с привлечением к нему тюркоязычного населения Анатолии, а это, в свою очередь, вело к распространению среди тюрков религиозных текстов, созданных Султаном Веледом на азиатско-тюркском языке, обеспечивая интенсивность их функционирования.

Написанные в разные века весьма многочисленные сочинения по истории ордена мевлеви, служащие отнюдь не научному исследованию, а прославлению и пропаганде ордена [31, с. 127-140], свидетельствуют о том, что на протяжении столетий в Турции сохранялся устойчивый интерес к суфийскому учению и ордену мевлеви. Это с необходимостью способствовало распространению сочинений (в частности, тюркоязычных) Султана Веледа как фактического основателя и главного комментатора суфийского учения своего отца — Джеляледдина Руми.

Вместе с тем, учитывая названные факторы — высокое положение Султана Веледа в суфийской среде, его известность как шейха — основателя знаменитого ордена, непосредственную связь его имени с замечательной личностью Джеляледдина Руми, — нельзя ни преувеличивать их влияние на литературную судьбу произведений Султана Веледа, ни тем более считать их основой для показанной выше распространенности и достаточной популярности стихов этого поэта. Исследователи отмечают, что на средневековом мусульманском Востоке личность автора не играла значительной роли в реальном функционировании литературного произведения во времени. Для сравнения, которое может показать, видимо, общий характер описываемого явления, укажем, что в древнерусской литературе соответствующего периода вообще отсутствовали представления об авторской собственности и авторская принадлежность тех или иных

произведений ценилась только тогда, когда автор обладал внелитературным авторитетом — церковным или светским. В Древней Руси это оказывало влияние на дальнейшую литературную судьбу произведений лишь в том отношении, что текст одних бережно сохранялся, других — легко изменялся переписчиками [13, с. 17—18].

В средневековой же мусульманской литературе, где закрепление авторства путем выставления имени в своем произведении было традиционным правилом [16, с. 79], конечно, существовала естественная связь между личностью автора и отношением читателей к его произведениям. В случае с Султаном Веледом она нашла свое выражение в том, что самое широкое распространение (судя по количеству списков) его произведения имели в XIV в., т.е. в период наибольшей известности Султана Веледа среди современников и ближайших потомков — очевидцев и свидетелей его славы шейха и фактического основателя уже тогда известного и популярного ордена мевлеви. Однако влияние личности автора на дальнейшую судьбу произведений было весьма ограничено, поскольку для широкого читателя при общей оценке произведения центральным моментом служили достоинства или недостатки самого произведения. Известность или, напротив, непопулярность сочинения зависели прежде всего и главным образом от качества самого труда, а не от личности автора [16, с. 80]. Поэтому главным основанием упомянутой выше активности литературной жизни произведений Султана Веледа во времени следует считать отнюдь не известность и репутацию его имени и его авторитет в суфийской среде (хотя и они имели определенное значение), а то, что его стихи — и персидские и тюркские — имели признание у читателей и соответствовали читательским вкусам как литературное явление.

Таким образом, необходима коррекция прежних представлений. Материалы письменных источников дают нам основание считать, что тюркоязычная поэзия Султана Веледа — почитаемого шейха ордена мевлеви — была известна и достаточно популярна в определенной общественно-культурной среде средневековой Анатолии, и, следовательно, нельзя отрицать ее роль в формировании здесь тюркоязычного литературного процесса, в становлении и развитии турецкой поэзии.

В свою очередь, приведенные выше факты и выводы, в частности положительная оценка и признание тюркских стихов Султана Веледа как литературного явления в достаточно широкой общественно-культурной среде, их соответствие вкусам и эстетическим представлениям средневекового читателя, находятся в явном противоречии с "поэтической ничтожностью" стихов Султана Веледа, "не имеющих художественной ценности", т.е. с приведенными выше мнениями и оценками Й.Хаммера, М.Викерхаузера, М.Мансуроглу и других ученых. Приходится констатировать, что эти оценки не объективны и носят произвольный характер.

Следует особо отметить, что необъективность прежних

оценок тюркоязычного творчества Султана Веледа проистекает в основном из методологических ошибок их авторов. Здесь представляется необходимым остановиться на них подробнее. Относительно одной из них уместно процитировать слова Е.Э.Бертельса: "Она явилась плодом недоразумения, притом весьма понятного, поскольку востоковеды, подходя к восточной литературе, прилагали к ней мерку, принятую при оценке литературных произведений Запада" [4, с. 377]. Иными словами, не учитывались различия между художественными канонами Востока и Запада.

Помимо этого вне учета остался еще один, не менее важный фактор — временной, т.е. различие эстетических и художественных представлений средневековья и нашего времени. Приступая к рассмотрению средневекового литературного памятника, следует прежде всего отвлечься от современных эстетических представлений и воспринимать произведение без какой-либо его модернизации. Одна из задач литературоведения, подчеркивает акад. Д.С.Лихачев, — терпеливо проникать во все эстетические системы прошлого и настоящего. "Необходимо исходить не только из тех эстетических представлений, которые воспитаны в нас великим реалистическим искусством нового времени, но искать эстетические ценности в том их виде, в каком они ценились современниками" [13, с. 142]. Все это говорит о том, что объективная художественная оценка литературных произведений средневекового Востока остается трудной проблемой⁷, для решения которой необходимы привлечение и учет самого разнообразного материала, в том числе максимального количества сохранившихся письменных источников.

Однако определение эстетических особенностей и оценка поэтических качеств тюркоязычного творчества Султана Веледа, представляя собой отдельную тему, не входят в задачу данной статьи, которая призвана осветить лишь некоторые аспекты бытования текстов этого поэта.

1. *Акимшикин О.Ф. и др.* Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог). Ч. 1. М., 1964.
2. *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1968.
3. *Бертельс Е.Э.* Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.

⁷ Для сравнения отметим, что "великий памятник тюркоязычной поэзии, достойный быть названным в ряду крупнейших произведений мировой литературы средневековья", — поэма Юсуфа Баласагуни "Кутадгу билиг" ("Благодатное знание"), художественное достоинство которой ныне общепризнано [9, с. 526, 530], еще совсем недавно характеризовалась самыми выдающимися учеными как сочинение "с весьма скучным и нудным содержанием" [14, с. 240], где присутствуют одни "сухие наставления", а действующие лица представляют собой "только безжизненные аллегорические фигуры" [2, с. 113, 115].

4. *Бертельс Е.Э.* Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965.
5. *Валитова А.А.* Юсуф Баласагунский и его Кутадгу-билик. Автореф. канд. дис. М., 1951.
6. *Васильева О.В.* Списки сочинений Алишера Навои XV–XVI вв. в ОРиРК ГПБ. — Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л., 1985.
7. *Ворожейкина Э.Н.* Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время. XII — начало XIII в. М., 1984.
8. *Джавелидзе Э.Д.* У истоков турецкой литературы. 1. Джелаль-еддин Руми (Вопросы мировоззрения). Тб., 1979.
9. *Иванов С.Н.* О "Благодатном знании" Юсуфа Баласагунского. — *Юсуф Баласагунский.* Благодатное знание. Изд. подготовил С.Н.Иванов. М., 1983.
10. *Иононов А.Н.* Поэма Юсуфа Баласагунского "Благодатное знание". — *Юсуф Баласагунский.* Благодатное знание. Изд. подготовил С.Н.Иванов. М., 1983.
11. *Костыгова Г.И.* Из истории среднеазиатской и иранской рукописной книги XIV–XVI вв. — Книги. Архивы. Автографы (Обзоры, сообщения, публикации). М., 1973.
12. *Крымский А.Е.* История Турции и ее литературы. Т. 1. От возникновения до начала расцвета. М., 1916.
13. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
14. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.
15. *[Рипки Я.]* История персидской и таджикской литературы. Под ред. Я.Рипки. Пер. с чешск. М., 1970.
16. *Султанов Т.И.* Рукописная историческая книга и ее читатели в странах средневекового мусульманского Востока. — НАА, 1984, № 2.
17. *Халидов А.Б.* Книжная культура. [Очерк четвертый]. — Очерки истории арабской культуры V–XV вв. Л., 1982.
18. *Халидов А.Б.* Словари Исхака ал-Фараби и Махмуда ал-Кашгари (из истории лексикографии в Средней Азии X–XI вв.). — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. 21. Ч. 4. М., 1987.
19. *Björkman W.* Die altosmanische Literatur. — PhTF. Т. 2, 1964.
20. *Dawlatshah bin 'Ala'u d-Dawla Bakhtishah al-Ghazi of Samarqand.* The Tadhkiratu 'sh-Shu'ara ("Memoirs of the Poets"). Ed. by E.G.Browne. London—Leide, 1901.
21. *Gibb E.J.W.* A History of Ottoman Poetry. Vol. 1–6. L., 1900–1909.
22. *Hammer J.* Auskunft aus ein (...) merkwürdiges persisches (...) Manuskript. — Jahrbücher der Literatur. Wien, 1829, Bd. 46, Anzeige-Blatt; Bd. 48, Anzeige-Blatt.
23. *Jami Mawlana Noor al-din Abd al-Rahman.* The Nafahot al-Ons min Nadharat al-qods, or the Lives of the Soofis. Ed. by Abd al Hamid and Kabir al-din Ahmad, Calcutta, 1859.
24. *Kabaklı A.* Türk edebiyatı. Cilt 2. İstanbul, 1966.
25. *Kramers J.H.* Sultan Walad. — Encyclopédie de l'Islam. Т. 4. Leyde—Paris, 1934.
26. *Mansuroğlu M.* Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri. İstanbul, 1958.
27. *Munzavi A.* Fihrist-i nushaha-i hatt-i farsi. Cilt 1–7. Tehran, 1348/1969–1354/1975.

28. *Pertsch W.* Die persischen Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha. Wien, 1859.
29. *Ritter H.* Philologika 7. Arabische und persische Schriften über die profane und die mystische Liebe. — *Der Islam. B.*, 1933, Bd. 21, H. 1.
30. *Ritter H.* Philologika 9. Die vier Suhrawardi. (Fortsetzung und Schluss). — *Der Islam. B.*, 1938, Bd. 25, H. 1.
31. *Ritter H.* Philologika 11. Maulana Čalaladdin Rumi und sein Kreis. — *Der Islam. B.*, 1940, Bd. 26, H. 2; 1942, Bd. 26, H. 3 (Fortsetzung und Schluss).
32. *Sachau Ed., Ethe H.* Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustan and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library. Pt 1. Oxf., 1889.
33. *Wickerhauser M.* Seldschukische Verse. — "Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft". Lpz., 1886, Bd. 20.